

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Поединок

«Главная особенность общения полов в Испании в том, что это всегда — поединок между мужчиной и женщиной, и поединок скрытый. Игра, состоящая из умолчаний, полупафосов, полупрошегов и полупрепятствий, доводит накал страстей до высшей точки — и тогда...»

(Из какой-то книжки)

***

В один из октябрьских вечеров 20*** года кинорежиссер Риккардо Муньос сидел на веранде своего дома под Кадиксом.

С ним была юная актриса Леа Велар, в недавнем прошлом — диковатая школьница из кантабрийской глубинки, а ныне «живое воплощение кричащего либидо современности, фетиш мужского подсознания», как писали о ней в рецензиях.

Вечер был нежарким, умиротворяющим, с прозрачным розовым закатом и тихим ветерком, обдувающим Риккардо и Леа. Настроение у них было в тон природе: закатное, усталое-торжественное, как у «путников, долго и трудно идущих к своей цели, и осознавших однажды, что их путь позади», как писали в другой рецензии.

В руках у них были бокалы: Риккардо и Леа отмечали небывалый успех фильма «Жаворонок», мгновенно принесшего Леа мировую славу.

Позади были изнурительные съемки в пустыне, в горах, на воде и под водой, премьера, торжественные речи, рауты, приемы, фуршеты — год жизни на людях, год рабства — вначале у кино, затем у общества и хорошего тона. И вот, когда вернулась «просто жизнь» (как ни трудно было в нее поверить), Риккардо пригласил к себе Леа — свою находку, свою жемчужину, свою гордость — выпить с ним вина и отметить итог великой работы.

Леа сидела напротив него. Ветерок шевелил ее волнистые волосы, распущенные по плечам, и щекотал овальное, пронзительно-юное и живое лицо, саднившее занозой в сердце каждого зрителя «Жаворонка». Риккардо попросил ее, чтобы она пришла такой, какой он увидел ее в деревушке Коста Алондра* на берегу Бискайи. Леа даже надела старое платье с аппликациями, которое ей сшила мать. _____ *Берег Жаворонка (ис) — прим. авт.

Над ними горела золотистая лампа, отблескивая в голубых глазах и медовых прядях Леа. На столе лежали распечатки рецензий на «Жаворонка», которые Риккардо и Леа по очереди читали вслух — с выражением, с комментариями и переглядываниями:

— ... А это пишет старый муфлон Филиппо Алькасар, мой давний друг и давний льстец, ты знаешь его, — говорил Риккардо. — Нет, ты только послушай! Старый скелет витийствует, как Шехеразада, но — черт меня дерь вместе с ним! — я готов подписаться под каждым его словом. Ты только послушай:

«Рикко много лет шел к «Жаворонку», много лет искал Беатрис, СВОЮ Беатрис — существо, которое станет сердцем его фильма. Ему нужна была не актриса, а душа, совершенная душа женщины, воплощенная в совершенном теле. Он перевидал тысячи девушек — и, когда нашел, не поверил сам себе. То, что он нашел, было больше, чем он искал. Больше, чем красота, и больше, чем сексуальность; это была жизнь»*. Ну? Как тебе? А вот еще: _____ *Имя «Беатрис» означает «жизнь». — прим. авт.

«Лицо Леа — бездонный сосуд. Вся страшная судьба Беатрис — в этом лице... « Так, ладно, это

водичка... а вот — слушай: «Бог помог Рикко, забросив его в нужный момент в нужное место, ибо девушке, игравшей Беатрис, могло быть только шестнадцать. Это возраст, когда в лице поровну детской чистоты и женской зрелости; когда тело уже совершенно, а глаза еще ясны, и лицо свежо, открыто и незащищено, как раскрытая глубина цветка — настолько, что на него боязно дышать. Год позже — и Леа уже не та». Да уж: тебе скоро восемнадцать. Безнадёжно постарела, девочка моя!

Они рассмеялись, и Рикко продолжал:

«... перед ними стояли трудные задачи. Рикко предстояло снять фильм о любви, жизни и смерти, где шестнадцатилетняя девочка остается обнаженной не менее трети всей ленты. Ему предстояло снять ее тело и ее любовь откровенно, без умолчаний, ибо умолчания убивают правду. Леа предстояло перешагнуть через себя и понять, что гениталии, обнаженные перед камерой — часть игры, как и все тело и вся душа. Ей предстояло ощутить грань между эросом и развратом — и пройти по лезвию этой бритвы. Малейший перекося отозвался бы фальшью в фильме.

И Рикко, и Леа смогли. Рикко создал на съемках атмосферу благоговения перед Леа, и в фильме ее тело, страстно отданное жизни — сама жизнь; никакого порока, ничего запретного — только шокирующая откровенность жизни. Именно поэтому финал «Жаворонка», где стервятники пожирают заживо это удивительное тело, срубает зрительские души, как топор...»

— ... А ведь ты покраснела, девочка, — вдруг добавил Рикко. — Ты еще не разучилась краснеть? После всего, что было? и после того, КАКОЙ ты видела себя на экране? — И правда, с чего тут краснеть, — отозвалась пунцовая Леа. — А вот я вам сейчас прочту... «ТРАХ, ПРИКРЫТЫЙ ФИЛОСОФИЕЙ». Уже круто, правда? Некто Муэрта Альдонса, из своего блога. Где же это?... сейчас... ага, вот оно. Послушайте:

«Сеньор Риккардо Муньос подарил нам очередную порнушку, полуодетую в соблазнительные кружева постмодерна. Мы привыкли к траху на экране, как к выхлопным газам; но тут Муньос перешел все границы, выставив на всеобщее обозрение голую школьницу, которую слюнявят, тискают, тягают за сиськи и ебут, изощренно и разнообразно ебут на протяжении всего фильма...»

— Неправда. Никто тебя за сиськи не тягал. Ха! В фильме только две сексуальные сцены — чистый монтаж, между прочим... я Диего к тебе, когда ты голая была, подпускал только на поводке... ну ты же помнишь?

— «... на протяжении всего фильма. Как называется человек, толкающий ребенка (ибо шестнадцать — это еще ребенок) в еблю, которая не снилась и выдавшим виды шлюхам? Как называется человек, превративший съемки в растление малолетней?...»

— ... Вот ведь врет сучка! Никакого секса на съемках не было, ни намека даже... я из кожи вон лез, чтобы не напугать, не застыдить тебя, чтобы оставить в тебе твое... Алькасар прав. Ты ведь помнишь это? помнишь?

— «... по-киношному такой человек называется новатором, концептуалистом, эпатажистом, философом и так далее. По-нашему он называется сутенером. Весь безумный мир радуется новому «шедевру»; а мы подумаем о том, что ребенок с глазами, голубыми как Бискайя, стал шлюхой, и будем молиться, чтобы ему достало сил выкарабкаться из ямы, в которую...»

Леа читала иронически-экспрессивно, растягивая слова и наморщив пунцовые щеки. Рикко слушал ее, затем закрыл глаза...

***

Он вспоминал, как впервые встретил Леа на каменистом берегу, в ветреный августовский день — в этом самом платье, с такими же волосами, взлохмаченными и вызолоченными солнцем. Вспоминал ее глаза, лучистые, недоверчиво распахнутые на Рикко; вспоминал, как вошел с ней, ошеломленной его предложением, в комнату на чердаке — и сказал ей:

— Разденься, пожалуйста.

Ее взгляд до сих пор светился в его памяти. Рикко подумал тогда — «черт, какая находка! Какой взгляд, какой материал! Только бы тело подошло...»

— Что?!.. — Леа, послушай меня. Постарайся меня понять. На съемках тебе придется раздеваться перед камерой. Полностью. В этом нет ничего плохого — это искусство. Но я должен знать, какое у тебя тело. Понимаешь? Я ничего не сделаю тебе — ни здесь, ни потом. Никто тебя пальцем не тронет. Пожалуйста, постарайся поверить, понять меня... и покажи мне свое тело.

Он тогда еще не знал, что ей шестнадцать. Леа стала раздеваться, неуклюже роняя вещи, а его трясло от волнения, как на первой премьеры. Он расстегнул воротник...

— ... Полностью, Леа, полностью. И лифчик, и трусики. Я должен видеть твою грудь и твои бедра. И пипиську тоже. — Но я... я еще никогда... — Хочешь играть в кино? Все бывает в первый раз, Леа. Когда она переступила через резинку трусов, махнув голыми, уже взрослыми и пухлыми грудями, его затрясло еще больше: «не то, не то, черт подери!...»

Тело Леа было естественно-женственным, без худобы и полноты, — плавное, гибкое, пронзительно-красивое своей юностью, цветом, трогательностью изгибов и линий. Тяжелые бедра, тонкая талия, груди спелыми грушами, рельефная пиза, покрытая рыжеватым пухом, длинные, стройные, хоть и немножко еще по-детски угловатые ноги... «Кстати, а почему не то?»

Рикко видел свою Беатрис subtilным, нервно-худощавым существом с подростковой фигурой и острыми сосками... а вдруг он не прав, а права Леа? Точнее, ее тело?

— ... А что, мне нужно будет.. — Нет, Леа. Не бойся. Я не снимаю порно. Я снимаю кино. Но привыкнуть к тому, что голая пиписька — твой рабочий костюм, тебе придется. Уже сегодня. А ну-ка пройдишь по комнате. Иди, иди ко мне, не бойся. Я не изнасилую тебя. Ну что, все еще стесняешься? — Да. — Сильно? — Да... — Молодец, что признаешься. Раз признаешься — значит, уже не сильно.

Она вдруг рассмеялась, и ее груди качнулись, как жележные пудинги.

— Чего ты смеешься? — Вы осматриваете меня, как корову на рынке... — А это что такое?! — Рико вдруг тронул ей татуировку на лопатке — узорную надпись «жаворонок». Леа отскочила, как ошпаренная: — Ай! Это... меня так зовут. Некоторые люди. — Что, на ваших рынках все коровы с такими татушками?..

«Жаворонок...», думал он.

Сейчас он уже и не помнил, как его фильм назывался до того.

***

— «... такие фильмы — позор Испании. Леа Велар — талантливая жертва талантливого сутенера... « Ну как вам? — донеслось до него, как сквозь туман.

Рикко очнулся и огляделся. Вокруг потемнело, и горизонт горел алой полосой над морем.

— Леа... — сказал он. — Леа, могу я обратиться к тебе с той же просьбой, что и... Леа!

Разденься, пожалуйста. — Здесь? Сейчас? — удивилась Леа. — После всего, что я видел, и что

ты сделала для меня — тебе ведь это нетрудно, верно? Думаю, я имею право еще раз увидеть... то, что увидят миллионы зрителей во всем мире. — Они увидят тело Беатрис, а не мое. — Леа, я соскучился по твоему телу. Как старый, безнадежный эстет. Прошу тебя...

Леа уже снимала платье через голову, обнажив голые груди и бедра в белых стрингах. — Мне это совсем не трудно, — говорила она, расправляя волосы. — Я привыкла быть голой перед вами и перед всем миром. Я могла бы даже пройтись так по Гран Виа... * Ой!

_____ *Главная улица Мадрида. — прим. авт.

Она вдруг запуталась в снятых стрингах, оступилась и сбросила со спинки стула сумочку.

Сумочка раскрылась, и прямо к ногам Рикко выпала тетрадка в алом переплете.

Рикко нагнулся, желая подать ее, — но Леа, припав к полу, поспешно схватила ее и потянула к себе. Удивленный Рико успел прочесть:

ДНЕВНИК ЖАВОРОНКА

— Дневник? Ты пишешь дневник? — спросил он.

Голая Леа, красная, как в первые дни обнажений, нервно улыбнулась — и кивнула. — Давно? — Давно. С начала съемок.

Рикко помолчал. Потом сказал:

— Знаешь, Леа... А ведь я тоже пишу дневник. И тоже с начала съемок. Вот он, — Рикко раскрыл портфель, стоящий рядом, и достал синюю тетрадку. — Как и ты, я делаю это по старинке, без электроники. Он всегда со мной. — Как мы похожи с вами, — сказала Леа, странно глядя на него. — Похожи? Может быть... У тебя выросли груди за это время. Были взрослые, а стали еще больше... Ты стесняешься? — Да, — кивнула Леа. — Сейчас снова да. — Леа. Я... Я хотел бы прочесть твой дневник. Верней, не так, не так. Я хотел бы, чтобы ты прочла мой дневник, а я твой. Вслух. — Прямо здесь? — Прямо здесь — и прямо сейчас. Леа, мы с тобой... Мы многое знаем друг о друге. И я думаю, что... что мы имеем право узнать еще больше. Что скажешь?

Голая, пунцовая, нестерпимо красивая Леа смотрела на него какое-то время. Затем достала из сумки красную тетрадку и молча протянула ему.

Рикко кивнул.

— Начнем с тебя? — Валяйте.

Он раскрыл тетрадку наугад — и стал читать вслух:

***

— 27 сентября-

Сегодня он учил меня целоваться. Оказывается, этому надо учиться. Я сегодня лизалась, как теленок, с двумя мужиками: с Папашей и с Ди. По очереди. Папаша показывает, а потом смотрит, правильно ли я лижу Ди. «Не кусайся, не принимай позы, с твоей стороны должна быть нежная инициатива, ты как бы должна общаться языком и губами... Ты рассказываешь свои чувства, только без слов...»

Губы у него шершавые, горячие и ТАКИЕ ласковые, черт бы его подрал, что мне хочется реветь и повеситься. Вот я этот рев и выплескиваю в губы, а не в глаза. Вроде неплохо получается. У Ди губы совсем не такие — на вкус как резина, хоть он и красавчик. Но я его завожу, и он, бедняга, волком воет. Ха! Обо мне и говорить нечего...

Хорошо, что эти занятия не голышом, а то после них я внизу такая, будто искупалась в самой себе. Когда лижу Ди, я придумываю, что это Папаша. Я говорю ему своими губами, какой он мучитель, как он меня достал и как я хочу утопить его в своих слюнях, чтобы он захрюкал там

и захлебнулся нафиг. Папаша доволен, сволочь. Интересно, он чувствует?..

После этого фильма я буду опытной гурией, гейшей, куртизанкой и т. п. Нет, нет, понятно, это все не я, это Беатрис. О Господи.

— 28 сентября-

Господи. Сегодня я кончила на съемках. Надеюсь, никто не понял. Вот что называется войти в образ. Зацеловалась. Голышом опасно это делать. А он меня за грудь, за грудь и за сосок...

Папаша доволен: хорошо сыграла, говорит. Как прожила все.

— 30 сентября-

Дурацкое положение. Всю жизнь я мечтала о бешеной любви. И вот я играю любовь с красивым парнем, к тому же звездой, снимаюсь без трусов, каждый день просто лопаюсь от... это называется «эротические впечатления», да? Когда мы зверски лижемся, я обожаю его, я плачу от любви, мне хочется растаять и подохнуть, со мной никогда такого не было... Но это не я, это все Беатрис. А я, Леа Даниэла Велар, наблюдаю со стороны, и думаю: тут спокойней, тут наподдать жару... На нас пялится толпа народу, Папаша командует, в глаза глядит, как рентген... А из меня течет так, что приходится салфетки просить и вытирать ноги. А потом мы с Ди пьем колу, весело так болтаем... Он классный. Но это уже мы, а не Беатрис и Роберто, поэтому никаких чувств.

Должна же я в кого-нибудь нормально, по-человечески влюбиться!!! Эх, Папаша, Папаша. Он — вне игры. Он — нон грата. Он как бог кино. Бесчувственный, холодный, всезнающий и...

Одним прикосновением, одним взглядом может завести так, что мне хочется тряпкой валяться у него в ногах, или вылизать его до мяса, или напялиться на него и утопить в себе этого монстра, эту ходячую прокуренную щетину... (Опять реву!) Но он направляет все это в другую сторону, в кино, в Беатрис. Он сильнее меня, старый щетинистый монстр.

— 2 октября-

Подыхаю, как устала. Устала чувствовать. Хочу быть бревном. Я выплескиваю в этих поцелуях всю себя, и потом от меня остается только тело, сдутое как мячик. Скорей бы уже отсняли всю любовь...

Ну, сейчас мне уже ни капельки не стыдно раздеваться. А раньше был кошмар.

Зато сегодня краситься. Вот это жуть. Я всегда боялась пальчик запачкать, а тут меня выкрасят с ног до головы. С волосами. Буду черный монстр. Четыре раза будут меня красить: черным, красным, синим и зеленым. Четыре символа: Беатрис — символ смерти, пустыни, воды и гор, горных лесов. Красиво, но страшно. Папаша достает зверски. Ну как он не понимает, что я не кукла киношная!!!

— 5 октября-

Уффф. В зеркало смотрюсь — мороз по коже. Покрасили меня, отсняли три дубля, и я теперь чернющая, как тьма. А это оказалось зверски приятно: кисточка мокрая, холодная, мягкая такая, тебя по всему голому телу мажут черным гелем, щекотно, мурашки бегут... Когда грудь, письку, затылок, уши красили — жуть!... Подохла. Жутко, когда все замазывают черным. Как это все отмыть?

А сейчас оторвусь!!! Два часа передыха, так схожу пройду негритоской по городку. Одну что-нибудь белое, конечно. Будет креативно.

— 6 октября-

Вечером такое было...

Набегалась покрашенная, наотрывалась, языки напоказывала старым курам в окнах,

вернулась мыться... Нифига. Верхний слой смылся, и все, кожа как в мазуте.

Тут меня прорвало за все эти дни, и как начала умная девочка Леа реветь белугой! Эта взрослая, опытная личность, эта кинозвезда, эта профи поцелуев и рева!..

И тут сатана принес Папашу. Зашел, смотрит на меня, и...

Я, между прочим, голая, и это уже не Беатрис, а самая всамделишная я! Заходит, открывает шторку без всякого... Он, кажется, думает, что я и мое тело — его собственность.

Как был, залез под душ со мной — в шортах, ковбойке. Начал мыть меня. Хоть бы спросил, хочу я этого или нет. Мыл, лапал меня везде, сверху донизу. БОЖЕ, КАК ХОРОШО...

Голос насмешливый, и заботливый тоже, руки сильные, нежные, я как восковая, он лепит из меня, что хочет, а я теку, стекаю вместе с водой в дырочку на полу... Подохла. Он лапает, моет меня, а я реву, но уже совсем не потому...

Под шортами у него, между прочим... чуть не проткнул! Значит, и нам не чужды страсти людские, да? Про меня и говорить нечего: когда он ушел, я... да что там говорить!!!

Сволочь. Сволочь, сволочь, сволочь, сволочь. Ненавижу.

— 7 октября-

Я как пустая шкура. Сегодня снимали мою смерть.

Трудное это дело: умирать. Я надорвала себе горло. Я будто действительно умерла. У меня все болит, везде синяки, хоть меня никто не бил. Зато меня клевали стервятники...

Я прочувствовала это так, что ноги не держали, и сегодня меня увозили на носилках, как больную. Перед съемкой Папаша повел меня смотреть, как меня жрут, чтобы я прониклась.

Сделали мою куклу — вылитая я, если не присматриваться к морде — начинили ее мясом и выпустили настоящих стервятников. И они жрали меня. Отрывали огромные куски с кровью и жрали...

А Папаша, вместо того, чтобы хоть как-то со мной... говорит: видела? Тебя уже нет. Ты одна, и тебя некому спасти. Надежды нет. Во всем мире только ты, и боль, о которой нельзя помыслить, и ужас, и смерть. Поняла?

— 8 октября-

Всю ночь не спала. Думала о смерти. И о Папаше — какой он был вчера после съемок.

Он принес вина, выпил со мной за мой удивительный талант (так и сказал!), и потом четыре часа развлекал меня. Не отходил от меня, травил анекдоты, изображал всех актеров, операторов и осветителей по очереди, и я ржала, как никогда в жизни.

Если я когда-нибудь и убью его — я сделаю это так, чтобы ему было очень приятно. Приятно до смерти...

Зато сегодня снимали самый настоящий, самый-пресамый СЕКС! Я из кожи вон лезла (в буквальном смысле!!!), чтобы ему понравилось.

Все понарошку, конечно. Ди увели от меня куда-то, я разделась, и надо мной мотали камерой, чтобы изобразить, будто Ди трахает меня и смотрит сверху. А мне только надо было корчить страстные рожи. Я старалась — и у меня ни хрена не выходило. Папаша даже заявил, что он выблюет назад вино, которое выпил за мой «удивительный талант».

Он учил меня правдоподобно кончать. Изображать оргазм. Вопил, как орангутанг. Показал мне порнушку с женскими оргазмами. Я и рассмешилась, и возбудилась до рева, боюсь взглянуть на него... Все равно не то. Ору, корчу морды, как те шлюхи, и сама чувствую, что говно, и лопаюсь от стыда. Ублюдок Папаша! Ну что поделать: я ведь никогда не трахалась. Боже, а ведь все это увидит моя мама.

— 9 октября-

Я не смогу написать о том, что сегодня было.

Утро прошло в моих дебильных потугах выдавить из себя дебильное подобие дебильного оргазма. Папаша рычал, как псих. А потом...

А потом, когда все кончилось, он сидел со мной. Я редела, плакса сопливая, и он говорил со мной. Он был славный, теплый такой... и ладонь у него теплая. Он гладил меня. Я таяла и текла, я улыбалась ему как преданная собачка...

Все равно я ненавижу его.

***

— ... Думаю, на этой оптимистической ноте мы прервемся, — хрипло сказал Рикко, — и передадим слово тебе. Что скажешь? — Можно, — отозвалась голая Леа.

Она была красной, как молодые помидоры — не только лицо, но и шея, и уши, и даже грудь.

— Да, теперь я стриптизерша мирового класса. Двойное оголение: и тело, и душа... — Теперь оголяй меня. Я честен, как видишь. — Вижу. Сейчас оголим. Та-ак... — Леа зашуршала страницами дневника Рикко. — Что ты ищешь? — Девятое октября. Ага!... хотя здесь тоже интересно. Кха-кха! — Леа картинно прокашлялась и стала читать.

Голос ее звенел от напряжения:

— 8 октября-

Девчонка абсолютно гениальная, и я каждый день благодарю Бога (которому, разумеется, некогда слушать такого засранца, как я) за нее. Вчерашние дубли потрясающе, и она потрясающе. Она проживает свою роль до последнего, до смерти, и я боюсь за нее...

Но сегодня ноль. Все она может: любовь, нежность, боль, муку, смерть; но ей не по зубам то, что делает обыкновенная среднестатистическая блядь. Тут — глухой угол. Это комично, и из-за этого комизма я готов оторвать голову и себе, и ей. Без этой сцены фильму крышка: она как легкие, как кровь, как сердце. Дублерша невозможна: это должно быть ЕЕ лицо. ЕЕ удивительное лицо, искаженное пыткой любовной нирваны, а не детским кривлянием. Чувственности-то у нее океан: хватит на всех нас, и еще останется. После съемок она запирается в туалете, громко хлюпаются в письке и отчаянно старается не орать.

— 9 октября-

Я буду ненавидеть себя всю жизнь. Я буду думать об этом ночами и прятаться от Бога. Я гнида. Но сцена в коробке, и это потрясающе.

Все утро я терзал бедную девочку. Всем давно уж было не до смеха — и ей, и мне, и всей группе. Я выгнал всех-всех-всех, оставив только Тонио с камерой, и попробовал еще раз. Не вышло. И тогда я запер все двери, и взял клятву с Тонио, что он никому никогда...

Если не получается изобразить оргазм — значит, нужно испытать его.

Никогда не забуду взгляд бедной девочки, когда я взял ее за ноги, раздвинул их и подлез к ее голой драгоценной розочке. «Тихо», сказал я, «закрой глаза, Беатрис. Тебя трахает твой Роберто, и тебе хорошо, как в раю». И заглотил ее запретные складочки, липкие, как в мыле, вымазался ими по уши, и ткнулся носом в самое ее липкое и пахучее, и стал наяривать ей языком — и клитор, и вокруг, и каждую складку, и дырочку до самой целки...

Девочка как взвояет, как захлебнется, как захрипит, бедняжка... Ничего, пора испытать и это.

Ебу ее языком, крепко держу за бедра, потом вытянул руки — начал крутить ей соски. В кадре ведь только лицо и плечи. Шерстяной ее лобок трет мне морду — и липкое, горячее течет, и течет, и льется из нее, как из березы в марте. Горько-соленое, и нежное, как манго. Ходит

перебил ее Рикко, сбрасывая с себя тряпки. — Я хочу смотреть тебе в глаза, когда буду делать с тобой это, — бормотал он, раздвигая ей ноги. — Не бойся, моя Леа, трусливая нежная Леа. Ты возбуждена, как легион чертей, и тебе будет хорошо. Ну?..

Он припал к ее рту, и они утонули в поцелуе, ритмично извиваясь гибкими телами. Член Рикко медленно, плавно входил в Леа, раздвигая плотные стенки ее влагалища.

Леа ныла басом, вдруг прорезавшимся у нее, и Рикко шептал, нежно разьебывая клейкую мякоть: — Потерпи, девочка, потерпи... Ты уже не девочка, уже все... чувствуешь, как глубоко? Я ебу твою писечку, Леа, твою нежную девочку, и из нее вытечет немножечко крови... но зато она будет сладкая, сладкая, сладкая-сладкая, как ты, Леа, как твои губы, как твоя грудь, которая сводит меня с ума весь год... Аааа... Ааа, как хорошо! Леа, тебе хорошо, маленькая моя? — шептал он, облизывая ей лицо. — Помогай мне бедрышками, подмахивай мне... вот так... Сильней, сильней... не стесняйся! Сильней! Сильней! Сильней!!! — кричал он, потеряв терпение, и всаживался в Леа с размаху, шлепая яйцами по ее письке.

Ее вой перешел в жалобный писк; она всхлипывала, вжимаясь в мягкую глубину постели, и выгибала кверху грудь, которую Рикко безжалостно месил и выкручивал, как тесто.

— Ааа... Ааа... Ааа... — металась она, когда Рикко, обезумев от блаженства, вламывался в нее тараном, заливал горячим семенем и натягивал ее писю, как перчатку — до самой-самой щекотной глубины. «Она спела свою любовь, как мелодию» — вдруг вспомнилась ей дурацкая фраза из дурацкой рецензии — и тут же выпала прочь, исчезнув в ослепительном океане, который густо и жестоко залил ей тело; Леа маялась, кричала — и стекала в него по капельке, истаявая, растекаясь, растворяясь, умирая и рождаясь миллион раз...

***

— ... Боже, Боже мой, Леа! Все-таки это произошло. Господи, все-таки произошло! Все-таки я сделал это с тобой. Моя нежная, неприкосновенная Леа лежит подо мной, напыленная на мой толстый дрын... Господи! Я оттягал тебя за сиськи, Леа. За твои нежные, сладкие, горячие сиськи торчком, которые снились мне весь год... Лживая сучка из интернета была права. — Вы и здесь были режиссером. Вы поставили мой секс, как фильм... — Да, я такой. Ты... в самом деле любишь меня, Леа? — Вы знаете ответ. — О, Леа!.. — Когда я шла сюда, к вам, я думала, где я у вас буду спать. — Я собирался уложить тебя в своей постели, а сам лечь на диване в гостиной. Честно! А ты думала — как? — Думала — как сейчас... — Ты не веришь мне?! — Верю. Иначе бы не пришла. — Так ты знала? — Знала. И очень хотела. Как и вы. — Хватит мне выкать. Я старше тебя всего на двадцать лет, в конце концов... — Я забеременею. Как раз овуляция... — Вот и хорошо. Настоящая актриса должна узнать, что такое быть матерью...

Они шептались еще какое-то время, затем шепот незаметно перешел в сопение, а сопение — в тишину.